
В.Н. Чернега

«БРЕКСИТ» И ЕВРОПЕЙСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИИ*

Чернега Владимир Николаевич – доктор юридических наук,
Чрезвычайный и Полномочный Посланник,
консультант Совета Европы, ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН.

В июле 2016 г. в Европейском парламенте состоялась конференция на тему ««Брексит» и судьба Европы». Она была совместно организована фракцией Европейской народной партии (ЕНП) (самой многочисленной в нынешнем составе парламента) и французским отделением НПО «Международный панъевропейский союз» (МПС). (Организация основана австрийским аристократом Р. Куденхове-Калерги в Вене в 1926 г., действует в 30 европейских странах, но французское отделение – наиболее многочисленное и активное.)

В ходе конференции четко проявились две тенденции, которые доминируют сейчас в реакции европейских элит на результаты «брексита». Первая тенденция выражалась главным образом докладчиками от ЕНП. Вкратце ее можно охарактеризовать как смесь растерянности и негодования в отношении британских избирателей, проголосовавших за «брексит», а также лично Д. Кэмерона, инициировавшего референдум. Ряд выступавших подвергли критике сам этот инструмент прямой демократии. Он, как утверждалось, приемлем только в небольших странах типа Швейцарии, но в целом таит в себе «западню демагогии и популизма». Стоит заметить, что этот аргумент уже был в ходу в этих кругах после того, как в 2005 г. французские и голландские избиратели провалили проект «европейской конституции».

Напротив, выступления представителей Международного панъевропейского союза были исполнены оптимизма. Они подчеркивали появившиеся позитивные перспективы для превращения ЕС в самостоятельный «центр

---

* Сокращенный вариант статьи первоначально опубликован в аналитическом бюллетене «Европейская безопасность. События. Оценки. Прогноз». – М., 2016. – № 42 (58).

силы». Один из докладчиков МПС напомнил, что Р. Куденхове-Калерги еще в момент образования этого движения исключал Великобританию из «Большой Европы» из-за слишком глубоких органических связей с «не-европейским англо-саксонским миром»¹. Эти связи позже послужили обоснованием для решения президента Франции Ш. де Голля дважды, в 1961 и 1967 гг., заблокировать переговоры о вступлении Великобритании в тогдашнее ЕЭС. Особенно его тревожили «привилегированные отношения» между ней и США. В частных беседах он без обиняков называл британского соседа «троянским конем Америки».

Европарламентарии единодушно констатировали, что выход Великобритании из механизмов принятия решений в ЕС не просто меняет формат этого объединения, но и ведет к изменению геостратегической ситуации на континенте, в том числе в плане взаимоотношений с Россией. Было заметно, что у тех представителей ЕНП, которые ранее фактически отстаивали линию на «вытеснение» ее из Европы, резко поубавилось пыла. Дежурные фразы о «российском экспансионизме» сочетались с признанием того, что у России «есть свое место» на континенте и ее интересы должны так или иначе уважаться.

Для выступавших от МПС это было хорошей новостью, поскольку в этой организации, по крайней мере в ее французском отделении, многие всегда считали Россию неотъемлемой частью «Большой Европы». Их позиции существенно усилились в последнее время в связи с миграционным кризисом в ЕС, а также исламскими террористическими актами во Франции, Бельгии, Германии. Они вызвали повышенное внимание общественности в государствах-членах к вопросу о христианских корнях европейской цивилизации, а в связи с этим и к России. Возрос и интерес к тому, как в РФ решаются проблемы сосуществования христианской и исламской религий. Вполне закономерно, что эти представители рассматривали Россию как необходимую участницу «общеевропейского процесса».

Ход дебатов на конференции – лишь один из признаков того, что в ЕС начинается осмысление новой геостратегической конфигурации на континенте, в том числе роли в ней России. Конечно, дискуссии по поводу политики по отношению к ней велись и раньше, в частности по вопросу о смягчении конфронтации в связи с украинским кризисом, особенно государствами-участниками (или под их давлением на многостороннем уровне), затронутыми российскими контрсанкциями. Уже эти обсуждения показывали, что в ЕС, за фасадом формального единства, накапливались разногласия по данному

---

1. Справедливости ради следует отметить, что Р. Куденхове-Калерги выводил за рамки «Большой Европы» и Советскую Россию, но по идеологическим причинам.

вопросу и что ряд стран пусть осторожно, но подталкивали объединение к поиску компромиссных решений, которые позволили бы в какой-то степени ослабить напряженность.

В нынешней ситуации к экономическим мотивам присоединяются геостратегические. Слова президента Франции Ф. Олланда на саммите НАТО 8–9 июля с. г. в Варшаве о том, что Россия все-таки является не противником, а партнером, «который иногда прибегает к силе», отнюдь не были неудачной импровизацией. Они вызвали гнев США и резкую критику со стороны Польши и прибалтийских государств. Разрушение европейского треугольника Париж – Лондон – Бонн фактически оставляет Францию один на один с Германией, в полтора раза превышающей ее по численности населения и превосходящей ее по экономической мощи. Конечно, Франция, в отличие от Германии, является ядерной державой, она может в тех или иных вопросах рассчитывать на поддержку Италии и других государств, наконец, обе страны связаны узлами в рамках ЕС и НАТО. Но, несмотря на это, неравновесие слишком велико и вызывает опасения у значительной части французской элиты. Конструктивные отношения и сотрудничество с Россией в самых различных областях в этих условиях приобретают для Франции все большее значение.

Уход Великобритании из механизмов принятия решений в ЕС ведет также к ослаблению влияния на эти решения со стороны США, поскольку Лондон, действительно, до сих пор являлся главным его проводником, особенно в политической сфере. Это в свою очередь ослабляет позиции в ЕС наиболее враждебно настроенных к России стран – Польши, Швеции, Латвии, Литвы и Эстонии, которые в вопросе об антироссийских санкциях, как и в ряде других, ориентируются не столько на Брюссель, сколько на Вашингтон. Конечно, США могут в какой-то мере компенсировать утрату этого канала влияния на ЕС в случае заключения между ними соглашения о трансатлантическом и инвестиционном партнерстве (ТТИП), переговоры о котором, судя по всему, вошли в продвинутую фазу. Однако, во-первых, «брексит» способен негативно повлиять на эти переговоры, так как помимо времени, которое уйдет на решение технических проблем, связанных с оформлением «развода» с Великобританией, он вынуждает Еврокомиссию больше считаться с общественным мнением государств-членов, настороженно воспринимающим информацию о возможном содержании этого соглашения. Во-вторых, поскольку главным бенефициарием ТТИП, как считают большинство экспертов, должна быть Германия, это может усугубить отмеченное выше неравновесие между ней и Францией (не говоря уже о других государствах-членах), ускорить ее превращение в безусловного гегемона ЕС. Такая перспектива еще до «брексита» тревожила часть европейских элит. Очевидно, что в нынешней ситуации их опасения только усиливаются. Иными словами, перспектива заверше-

ния переговоров и в еще большей степени ратификация соглашения становится сейчас более туманной.

Таким образом, «брексит» создает в ЕС ситуацию, скорее благоприятную для России. Прежде всего возрастает ее значение как фактора «баланса сил» на европейском континенте. Появление у ЕС шансов приобрести большую самостоятельность означает возникновение у него перспективы проводить политику, более ориентированную на собственно европейские интересы, а они в значительной мере связаны с Россией, особенно в области безопасности. Да и в экономике тоже. Как показала история с санкциями и контрсанкциями, российский рынок оказался более важным для ряда стран ЕС, в частности Франции, Италии, Испании, Греции, чем представляли в самой России. Контрсанкции особенно негативно сказались на сельскохозяйственном секторе этих стран, который и без них переживал большие проблемы. Сельскохозяйственные производители в ЕС немногочисленны, но очень активны в политическом плане и у них есть возможности дать почувствовать свое недовольство не только своим правительствам, но и широким массам потребителей.

В конфигурации Европа – США – Россия у нашей страны появляются определенные возможности «отыграть назад» хотя бы часть геополитических потерь, связанных с поражением на Украине. США в результате украинского кризиса сумели вбить клин между Европой и Россией, а также между Украиной и Россией, что было их стратегической целью с момента распада СССР. Между тем движение ЕС к большей самостоятельности, его возможное сближение с Россией, перспектива более продвинутых, чем сейчас, договоренностей между ними по Украине являются для Вашингтона «стратегическим кошмаром». Очевидно, что и киевские власти, хоть они и ориентируются сейчас больше на США, вряд ли смогут долго игнорировать такую реальность.

Разумеется, на данном этапе речь идет лишь о потенциальных возможностях. В какой степени они реализуются, зависит прежде всего от того, какие уроки европейские элиты извлекут из «брексита», а также из итогов референдума в Голландии в апреле нынешнего года по соглашению об ассоциации с Украиной. Они, как и в 2005 г., напомнили, что в ЕС, кроме так называемой «евро-бюрократии», кроме государств-членов и, соответственно, национальных элит, есть еще и народы, которые в условиях демократии являются источником власти. Отрыв от них «евро-бюрократии» и космополитизированного большинства этих элит явился одной из главных причин недовольства избирателей в том и другом случае.

По одному из французских телеканалов передавалось интервью с молодой английской избирательницей, проголосовавшей за «брексит». Ранее эта англичанка работала в структурах Европарламента и Еврокомиссии. Она

охарактеризовала 40 тыс. человек, занятых в них, как закрытую касту (с огромными заработными платами и дипломатическими привилегиями), которая полностью оторвалась от собственных народов и по сути никем не контролируется. «Эти люди, – сказала она, – не просто решают, как жить нашим народам, они чем дальше, тем все мелочнее регламентируют эту жизнь». Это интервью объясняет, почему, например, многие английские фермеры, получившие субсидии от ЕС, также проголосовали за выход Великобритании из него. Ведь взамен им диктовали, что и как выращивать, а зачастую требовали уничтожать урожай и забивать скот (из-за перепроизводства). Им предписывали, какие и в каком количестве использовать удобрения, гербициды и пестициды, как устраивать поилки или пункты дезинфекции для скота и т.п. Очень подробно регламентировалось также рыболовство и ряд других отраслей. Все это, как считали заинтересованные социально-профессиональные категории, делалось без учета местной специфики и традиций.

«Брексит» обнажил также проблему весьма неравного распределения плодов «евроинтеграции» в социально-экономической сфере. Больше всего от нее выигрывают космополитизированные прослойки населения, особенно работники финансово-банковской сферы, транснациональных компаний, передовых инновационных производств, обычно проживающие в столицах и других крупных городах. В большинстве своем это достаточно молодые люди, учившиеся в зарубежных вузах и владеющие иностранными языками. В то же время в «глубинке» многие европейцы эти плоды ощущают слабо. Еще до «брексита» стало ясно, что европейские элиты перестарались также с навязыванием народам ЕС «европейской общности», подразумевающей стирание национально-этнических и религиозных различий. Миграционный кризис лишний раз показал, что большинство европейцев по-прежнему привержены своей национально-культурной идентичности. Конечно, они ощущают и ценят определенное единство европейской цивилизации, но при этом остаются англичанами, немцами, французами или итальянцами. Они не готовы поступаться своей идентичностью в пользу мигрантов с совершенно чуждой культурой. Очевидная же беспомощность ЕС перед миграционной волной усилила разочарование в его деятельности.

Перед лицом этих и других проблем европейские элиты оказались на распутье. Выступления европарламентариев от ЕНП на упомянутой выше конференции показали, что, по меньшей мере, часть этой прослойки испытывает искушение исключить прямое народное волеизъявление из процесса принятия важнейших решений в ЕС, полностью переложив его на правительства, национальные парламентские учреждения и Европейский парламент. Иными словами, все подобные решения должны приниматься только внутри самих элит. Стоит заметить, что эта тенденция проявилась в ЕС еще после провальных итогов референдумов во Франции и Голландии по «европейской

конституции». Тогда в большинстве государств-членов были одобрены процедурные уловки, исключающие вынесение подобных проектов на референдумы. Если эта тенденция победит, ЕС вряд ли подвергнется достаточно серьезному реформированию, а значит, указанные выше проблемы скорее всего в нем сохранятся.

Однако другая часть европейских элит считает, что игнорирование воли народов неизбежно усугубит ситуацию. В результате во многих странах ЕС к власти могут прийти «евроскептические» силы. Представители этой группы призывают к существенной перестройке «европейского проекта», которая позволила бы создать эффективные механизмы обратной связи между органами и структурами ЕС, с одной стороны, и населением, социально-профессиональными категориями – с другой.

Переломным моментом, как отмечают многие политики и эксперты, могут стать президентские выборы во Франции в апреле-мае 2017 г. Победа на них Марин Ле Пен, скорее всего, поставит под вопрос функционирование ЕС в его нынешнем виде, особенно в том, что касается власти «евробюрократии». Но даже если она не победит, но наберет достаточно большое число голосов, это будет сигнал европейским элитам, который будет невозможно проигнорировать. При этом мало кто сомневается, что ЕС продолжит существовать, а «еврооптимисты» из МПС, как отмечалось, считают, что после реального ухода Великобритании он даже будет укрепляться.

Для России выгодна любая перестройка ЕС, которая ограничит возможности «евробюрократии». Именно эта закрытая прослойка олицетворяет логику «новой европейской империи», которая самым негативным образом проявилась в ходе украинского кризиса. (Стоит напомнить, что в ноябре 2013 г., когда президент В. Янукович, приостановив подписание соглашения об ассоциированном членстве с ЕС, предложил создать трехстороннюю рабочую группу с участием России, чтобы оценить последствия этого соглашения, тогдашний председатель Еврокомиссии, Ж. Баррозу, с негодованием отверг это предложение. Впоследствии такая группа была образована, но было уже поздно. Кстати, нынешний скандал, вызванный переходом Ж. Баррозу на работу в известный американский банк «Голдман Сакс», показал, что эта политика отвечала интересам США и обнаружил безграничный космополитизм, присущий членам этой корпорации.)

Парадокс ситуации в самой России заключается в том, что время как в ЕС чаша весов медленно, но верно склоняется к возобновлению сотрудничества с ней, к признанию ее геостратегической роли и интересов на континенте, российские элиты все увлеченнее пропагандируют ее «поворот на Восток». Этому последнему придается чуть ли не экзистенциальное значение, он по сути представляется как альтернатива отношениям с ЕС и с Западом в целом (хотя теоретически российская политика остается «многовектор-

ной»). Не только политики, но и серьезные политологи утверждают, что «европейский проект» оказался несостоятельным и что роль ЕС для России будет неминуемо снижаться. Некоторые эксперты видят в нынешних трудностях ЕС «конец 500-летнего мирового господства Европы» (на самом деле с ним было покончено в результате Второй мировой войны). Авторы ряда публикаций настолько прониклись идеей «поворота», что предсказывают появление в России в перспективе особого «евразийского мировоззрения» и особой «евразийской идентичности». Более того, есть и те, кто считает, что Россия по своей ментальности уже стала евразийской державой².

Конечно, причины для антизападнических и антиевропейских настроений у российских элит есть. На поверхности это – антироссийские санкции и в целом – геополитическое давление Запада на Россию. Более глубинная причина состоит в том, что они ранее искренне хотели влиться в западную элиту, но на своих условиях, сохраняя политическую, социально-экономическую, правоохранительную и судебную системы, существующие в стране. Однако Запад по ряду причин на это не пошел³. Стоит подчеркнуть, что, помимо расхождений по вопросам демократии, особую роль сыграла убежденность ведущих западных кругов в том, что Россия потерпела поражение в «холодной войне» и должна «играть» по правилам победителей. Сказались ее экономическая и – до определенного момента – военная слабость, а также страх перед российской коррупцией. В последнем случае имелись в виду не только ее беспрецедентные масштабы и глубина, но и очевидное нежелание власти бороться с ней.

Разумеется, стремление «повернуть на Восток» объясняется также геоэкономическими и геополитическими факторами, в частности появлением новых центров экономической мощи в АТР, особенно в лице Китая, сформированными под эгидой России интеграционными и военно-политическими структурами с рядом бывших советских республик (ЕАЭС, ОДКБ), которые в определенной мере усиливают ее геополитические позиции в Евро-Азиатском регионе. Созданные при активном участии России БРИКС, ШОС позволяют ей ощущать себя не «изолированным изгоем», как надеялись США и их союзники, а важным глобальным игроком. Причем участники всех этих объединений не досаждают российской власти нотациями о демократии и правах человека.

«Поворот», как надеются во властных верхах, позволит также придать новый импульс развитию российского Дальнего Востока, привлечь туда

---

2. См., например: *Россия в глобальной политике, май-июнь 2016 г.*, с. 101; *Der Spiegel*, 22.07.2016. – S. 3.

3. Чернега В. *Какофония вместо «европейском концерта». Дialeктика отношений России и Запада. – Россия в глобальной политике, январь-февраль 2015. – С. 60–74.*

новые инвестиционные и человеческие ресурсы. Эта проблема не просто назрела, она давно перезрела. В течение последних 20 лет население региона уменьшилось с 10 млн человек до 6 млн и пока этот процесс удалось лишь замедлить.

Потенциал сотрудничества с динамично развивающимися странами АТР, прежде всего с Китаем и Индией, действительно огромен. Но практически никто из тех, кто так или иначе продвигает «поворот на Восток», не углубляется в вопрос, какими возможностями располагает Россия, чтобы воспользоваться новой «манной небесной». Развивать совместную торговлю, естественно, необходимо. Вместе с тем, если исключить сотрудничество по линии ВТС, какую долю в ней будут составлять машины, оборудование, приборы высокотехнологичного характера, тем более новые технологии, в которых нуждаются обе стороны? Даже Китай, вкладывающий сейчас большие средства в научно-техническую сферу, или Индия, давно сделавшая акцент в своей экономической политике на развитие инновационного сектора, пока все еще зависят в этом отношении от Запада (в широком смысле этого термина, с включением в него Японии и Южной Кореи).

Между тем для России преодоление ее технологического отставания от ведущих стран является жизненной необходимостью, тем более что многие специалисты предвещают наступление «новой технологической революции». Если это действительно произойдет, Россия с ее нынешней экономикой рискует утратить свой статус великой державы со всеми вытекающими отсюда последствиями для самостоятельного определения своей судьбы или даже просто обеспечения своей безопасности. Ничто не вечно, и даже ядерный арсенал может рано или поздно утратить характер «абсолютного оружия».

Переориентация на АТР, как признают и некоторые из авторов, убежденных в ее неизбежности для России, ограничивается также географически-территориальными реалиями. Большая часть энергетических ресурсов, в которых заинтересована КНР, находится в Западной Сибири, что «является серьезным препятствием для российского “поворота на Восток”, поскольку поставка этих ресурсов в Китай требует создания крайне дорогостоящей и сложной инфраструктуры»⁴. К этому стоит добавить, что 80% населения и 80% экономики России находятся в европейской части страны, и это во многом объясняет, почему даже сегодня торговый оборот России со странами ЕС составляет 250 млрд долл. США по сравнению с 60 млрд торгового оборота с Китаем.

---

4. Кашин В. Российский подход к проблемам региональной безопасности в АТР. – Carnegie Moscow Center, 18.06.2016. – P. 1.

Несмотря на все усилия российской власти, китайские инвестиции не хлынули в страну широким потоком и вряд ли это произойдет в обозримом будущем. Китай, ставящий акцент на развитие реального сектора экономики, не заинтересован во взращивании в лице России промышленного конкурента. РФ интересуется его больше как источник энергетических и сырьевых ресурсов, как рынок для сбыта своих товаров и транзитная территория для их перевозки в Европу.

В китайской печати, несмотря на ее общий благожелательный тон в отношении России, время от времени появляются публикации, достаточно критически оценивающие ее инвестиционный климат. В них отмечаются те же проблемы, что и в выступлениях российских руководителей: коррупция на всех уровнях государственной машины и правоохранительной системы, избыточное административное давление на предпринимателей, неудовлетворительно работающая судебная система, нестабильность правил для ведения бизнеса. Конечно, в Китае, как свидетельствуют работающие в стране западные бизнесмены, также существует широкомасштабная коррупция, но там по крайней мере с ней жестко борются. Главное же – у китайских инвесторов есть возможность вкладываться в страны с более благоприятными условиями для деловой активности, в частности в Европе, где их инвестиции приветствуются.

Наряду с языковым и культурно-ментальным барьером все это обусловило тот факт, что в 2015 г. из 116 млрд долл. прямых китайских инвестиций за рубежом на долю России пришлось 890 млн (Германия и Франция в условиях санкций вложили по 1 млрд долл. каждая). Вместе с портфельными и прочими инвестициями общий объем китайских вложений составил 4,5 млрд долл., но эту цифру стоит сопоставить с инвестициями Китая в экономику Казахстана – 23,6 млрд долл. России, крайне нуждающейся в кредитах, не оказалось в списке стран, получивших первые кредиты Азиатского инвестиционного банка, созданного Китаем, и Банка развития БРИКС, хотя в него вошли, например, такие страны, как Пакистан, Бангладеш или Таджикистан⁵.

Конечно, Россия должна извлечь пользу, возможно, даже значительную, из участия в китайских проектах, в частности в рамках «Экономического пояса Шёлкового пути». Но Китай с его 5000-летним опытом в сфере политики и дипломатии не собирается складывать яйца в одну корзину и планирует одновременное создание альтернатив российскому маршруту, одна из которых – путь через Казахстан, Азербайджан, Грузию, Турцию. Напротив, Россия в нынешней ситуации рискует попасть в слишком большую зависимость от Китая. С учетом уже имеющейся огромной и продолжающей возрастать

---

5. *Die Welt*, 17.06.2016.

разницы в экономической мощи в пользу последнего вряд ли можно всерьез рассчитывать на то, что именно Россия станет «центром большой Евразии», в которую «войдет и субконтинент Европа», как надеются некоторые российские политологи⁶. К сожалению, у России сейчас больше шансов стать «энерго-сырьевым» и транзитным придатком КНР. Стоит напомнить, что даже совокупный ВВП ЕАЭС составляет лишь 2,5 млрд долл., в то время как китайский ВВП, в зависимости от системы подсчета, оценивается в 13–15 млрд. Как справедливо отмечает российский специалист С.П. Ткачук, ЕАЭС, «производящий всего 3,5% мирового ВВП, не является самодостаточным рынком, способным на равных встроиться в мировую систему»⁷.

Заметим кстати, что в истории России «поворот» на Восток» уже был в царствование Николая II. Он совершался в другом историческом контексте, но с той же целью – уменьшить зависимость российской экономики от Европы, а также для переселения из европейской части страны в Восточную Сибирь и на Дальний Восток части населения (главным образом крестьян). Для переселения были созданы специальные органы управления и инфраструктура, а каждая переселенная семья получала в собственность около 50 десятин земли (а не 1 га в аренду на пять лет, как сегодня). Эта внутренняя миграция была направлена не только на освоение указанных территорий, но также на уменьшение тогдашней перенаселенности российской деревни, часто приводившей к волнениям.

В сегодняшней России избыточного трудоспособного населения не наблюдается ни в селе, ни в городе. Более того, демографическая ситуация в стране, несмотря на определенные улучшения в последние годы, остается тревожной. Еще одно принципиальное отличие состоит в том, что прежний «поворот» должен был, помимо прочего, открыть новые рынки для продукции быстро развивавшейся российской промышленности. Ныне ситуация в этом секторе совершенно иная. (Следует напомнить, что хотя затраченные тогда огромные усилия и ресурсы принесли определенные результаты, к радикальному перераспределению экономического потенциала России в пользу восточных регионов это не привело.)

Учитывая отмеченные факторы, «поворот на Восток», в том смысле, какой ему придают сегодня российские элиты, вряд ли состоится. В 90-е годы было модно говорить, что Россия «обречена быть великой державой». В действительности этот статус нужно все время подкреплять совокупной государственной мощью, которая может оказаться и недостаточной. Напротив, то что Россия, будучи «евразийской» по территории, обречена по другим

---

6. *Der Spiegel*, 22.07.2016. – S. 4.

7. Ткачук С. *ЕАЭС и все-все. Внешний контур становления евразийской интеграции. – Россия в глобальной политике, май-июнь 2016 г.* – С. 96.

параметрам быть все-таки европейской страной, хотя и с большими интересами в Азии, подтверждается объективными реалиями. ЕС не перестанет быть для России главным торгово-экономическим партнером и источником новых технологий, русские не станут китайцами или даже казахами, а представители российских элитных групп будут и впредь стараться укрывать свои «активы» и обучать своих детей главным образом в Европе и США, а не в Китае или Индии. Перспектива изменений в ЕС, о которой говорилось выше, может открыть новые шансы на создание «европейского экономического пространства от Лиссабона до Владивостока», и Россия должна быть готова воспользоваться ими.